

ПРОЗАИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398(7)

DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-96-100

Дж. Руей-Уиллоуби

Университет Кентукки, Лексингтон (США)

Представления о жанрах несказочной прозы в американской фольклористике¹

Североамериканское и западноевропейское понятие жанров несказочной прозы (легенда, быличка, бывальщина) довольно значительно отличается от принятого в российской фольклористике. В статье сравниваются эти разные системы. Хотя содержание текста играет роль в его классификации, американские понятия жанров в большей степени зависят не от самого содержания рассказов, а скорее от отношения рассказчика к тексту. Под влиянием исследований Л. Дег (L. Dégh) с 1960-х гг. термин «легенда» в американской и западноевропейской традиции фольклористики обозначает главным образом процесс, а не сам текст. Легенда считается способом творить и обсуждать верования о характере нашего мира и спорных общественных вопросах. Статья рассматривает, как фольклористы с этой точки зрения подходят к жанру легенды.

Ключевые слова: североамериканская и западноевропейская фольклористика, современные подходы, представления о несказочной прозе.

Термин «легенда» (*legend*) в американской фольклористике включает следующие жанры: предание, легенда, быличка и бывальщина; иными словами, этот термин в целом совпадает с понятием «несказочная проза» в русской фольклористике. Тем не менее мифы отличаются от жанра легенды. Из-за таких несовпадений в понятии жанров специалисты обеих стран часто смущаются. Цель этого доклада – рассмотреть американскую систему, чтобы выяснить, как американские ученые отличают эти жанры друг от друга.

Мы начнем с истории изучения легенды в американском контексте. Проблема заключается в том, что жанр легенды имеет не простое значение. В таких рассказах бывает изобилие действующих лиц, включая людей, богов, святых и даже животных. В сюжетах мы видим сверхъестественные отношения, великие бои, религиозные чудеса, а также отражение повседневных событий, таких как криминальные действия, сексуальные эскапады и университетские шалости. Ян Харальд Брунванд, главный

¹ **От Ред. коллегии.** В данной публикации представлен текст доклада, который был прочитан Дж. Руей-Уиллоуби на Всероссийской конференции «Несказочная проза народов Сибири: теоретические подходы и методы исследования» (13–15 мая 2018 г., Новосибирск). Доклад подготовлен автором на русском языке. Редактором внесена необходимая правка, стиль автора сохранен.

Руей-Уиллоуби Джинмари (Rouhier-Willoughby Jeanmarie) – Ph.D., профессор, зав. кафедрой русского языка и литературы Университета Кентукки.

Контактная информация: кафедра современных и классических языков, литератур и культур, 1055, Паттерсон Офис Тауэр, Университет Кентукки, г. Лексингтон, Кентукки, США, 40406 (Department of Modern and Classical Languages, Literatures and Cultures, 1055 Patterson Office Tower, University of Kentucky, Lexington, KY, USA, 40506). E-mail: j.rouhier@uky.edu; тел.: (859)-257-17-56; факс: (859)-257-37-43.

коллекционер американских легенд в XX столетии, предоставляет нам на выбор множество образцов, которые демонстрируют диапазон текстов легенд [Brunvand, 2014]. Мы начнем с животных-героев. Брунванд в качестве примера ссылается на историю о «Задыхающемся добермане» [Brunvand, 2014, pp. 116–199]. В этой истории хозяйка возвращается домой и обнаруживает свою собаку задыхающей. Она берет собаку и мчится с нею к ветеринару, который находит в собачьем горле два пальца. Выясняется, что собака откусила пальцы с руки вора, который все еще прячется в доме. Полиция арестовывает его благодаря героической собаке. Данная история рассказывает об «обычной» собаке, однако животные в легендах также могут быть сверхъестественными – это так называемые крипиды: Йети, Мофман (легенда Западной Вирджинии) или Чупакабра из пуэрто-риканской легенды [Brunvand, 2014, pp. 120–121]. Чупакабра описывается как большое собако- или медведеобразное двуногое существо, с шипами на спине и острыми когтями. Считается, что она нападает на животных, прежде всего на коз, и пьет их кровь. Легенда распространилась по всему испаноязычному миру Северной Америки, истории о случаях наблюдения этого существа были зарегистрированы и в США – во Флориде и Техасе, штатах со значительным количеством испаноговорящего населения.

Большинство населения США является протестантами, при этом существуют легенды о святых. Одна из распространенных легенд связана с захоронением статуи Святого Иосифа, покровителя семей и домов, в чьем-либо дворе, что помогает людям быстрее продать свой дом [Brunvand, 2014, pp. 86–87]. В некоторых версиях легенды «Исчезнувшая автостопщица» (истории о том, как мужчина подбирает у обочины женщину) привидение, которое затем исчезает на месте своей смерти, на самом деле является святым [Brunvand, 2014, p. 688]. Святой часто предупреждает о какой-либо опасности, например, о предстоящем важном событии. Также распространены мемораты о святых, где верующие рассказывают, как святой защитил или помог им каким-то образом. Они, наряду с историями о привидениях (обсуждаемыми ниже), являются наиболее распространенными легендами о сверхъестественном в американской нарративной традиции.

Мы уже видели пример криминальной легенды («Задыхающийся доберман»), но в легендах также возможны более легкомысленные темы. Университеты являются родиной разнообразных легенд о студенческих выходках, включая легенду «Вы знаете, кто я?», в которой профессор отказывается принимать экзаменационную работу студента по какой-то незначительной причине. Студент, один из многих в большом вступительном классе, спрашивает профессора: «Вы знаете, кто я?» Получив отрицательный ответ, студент быстро кладет экзаменационный лист в середину высокой пачки бумаг и уходит [Brunvand, 2014, pp. 194–195]. В другой истории профессор одерживает победу, когда студент представляет курсовую работу, которую сам же профессор написал еще колледже [Brunvand, 2014, p. 528]. Исследовательница Элизабет Такер задокументировала важную роль, которую легенды о привидениях играют в кампусах колледжей, в особенности как следствие студенческих самоубийств [Tucker, 2007]. В дополнение Брунванд приводит множество юмористических легенд о том, как неверный супруг наказывается при попытке изменить, например «Голая вечеринка-сюрприз» или «Прочный цементный кадиллак». В первой истории [Brunvand, 2014, p. 137] жена в сотрудничестве с ассистенткой мужа планирует вечеринку-сюрприз для его дня рождения. Жена просит ассистентку пригласить его на ужин, пока друзья и семья собираются в доме ассистентки. Когда они прибывают в ее дом, ассистентка идет сменить одежду (на самом деле – предупредить гостей вечеринки), и тогда мужчина, верящий, что она хочет с ним переспать, раздевается, но только чтобы столкнуться с женой, выпрыгнувшей из соседней комнаты с криком «Сюрприз!», которая видит перед собой своего голого мужа. Во второй истории мужчина подозревает свою жену в интрижке, затем как-то возвращается рано домой и видит припаркованный рядом с его домом кадиллак. В окно он видит, как его жена разговаривает с другим мужчиной. Он строитель, и возвращается домой с бетономешалкой, чтобы залить кабриолет бетоном. Выясняется, что машина была подарком-сюрпризом на его день рождения, а мужчина внутри – продавцом машины [Brunvand, 2014, pp. 593–595]. В целом, все эти истории могут быть классифицированы американскими и западноевропейскими специалистами как легенды.

Русские фольклористы, наверное, с вышеупомянутыми характеристиками не были бы согласны и отрицали бы такое понятие жанра. Вообще с точки зрения понятия жанра «легенда» в русской фольклористике такие сюжеты не обозначают легенду. Большинство этих рассказов считаются не легендами, а быличками или бывальщинами. Но в американской и западноевропейской фольклористике они являются примерами такого жанра. Чтобы выяснить ситуацию с жанром, мы должны вернуться к 1960-м гг.

В 1960-х гг. происходил огромный подъем изучения легенды (или сказочной прозы) во всех формах среди американских фольклористов. Такой сдвиг был результатом интереса к современной

традиции, особенно к вопросу, как народные жанры показывают веру народа. Пионером этих исследований была венгерская исследовательница Линда Дег (L. Dégh), переехавшая в США в 1960-х гг. и работавшая в Индианском университете. Вместе с ученым Андреем Васонией (A. Vásonyi, ее муж) она изменила подход к легенде, открыв путь к изучению этого жанра. В статье «Does the Word 'Dog' Bite? Ostensive Action: A Means of Legend Telling» они основали критический подход к легенде и ее рассказыванию, которого раньше не хватало [Dégh L., Vásonyi A., 1983]. Это и стало фундаментом изучения легенд в американской фольклористике. В их представлении о жанре содержание текста – не самое главное. Хотя оно, без сомнения, играет свою роль в классификации текста как мифа, легенды, былички, бывальщины и т.д.

Авторы считают, что легенда (во всех ее многообразных формах) представляет возможность для так называемого *ostensive* действия или *ostension*. На их взгляд, легенды не только рассказывают о реальности, но имеют возможность ее творить, чтобы слова стали фактами. В итоге легенда – в основном не текст, а процесс. Легенда влияет на поведение человека и даже на понимание им реальности [Dégh, Vásonyi, 1983, pp. 18–19]. Дег и Васоний ссылаются на легенды (впервые зафиксированы в 1940-х гг.) о том, как конфеты, розданные во время американского праздника Хэллоуин, были отравлены. Такие рассказы коренным образом изменили традицию среди детей, повернув их к более безопасным способам праздновать Хеллоуин [Dégh, Vásonyi, 1983, p. 12].

С этой точки зрения специалисты не должны пренебрегать легендой как продуктом ложного представления или как фейк ньюс (*fake news*). Наоборот, она отражает систему веры и приглашает к дискуссии. По мнению Дег, рассказчики отлично знают, что противоположные позиции насчет этой веры оказывают влияние на наши представления о мире и действительности. Легенда тогда является способом рассматривать систему веры и даже спорить о ней. Во многих случаях рассказчики не признают саму веру. В итоге они не представляют легенду как истину или ложь, но открывают возможность откровенно обсуждать разные позиции насчет какой-либо темы. Легенда в итоге играет основную роль в нашем представлении о событиях и развитии систем веры о мире и быте. Хотя против этих выводов имеется масса научных и фактических фактов, эти концепции сохраняются. На самом деле они (и легенды) строятся на довольно крепких исторических фактах, как противоположные мнения экспертов, несмотря на общее представление о легенде как неправде или плохой логике. В книге «Легенда и вера» Л. Дег формулирует заключение, что «*legend touches upon the most sensitive areas of our existence, and its manifest forms cannot be isolated as simple and coherent stories. Rather, legends appear as products of conflicting opinions, expressed in conversation*» ‘легенда касается самых болезненных мест нашей жизни, и ее очевидные формы не могут быть изолированы как простые и связные рассказы. Наоборот, легенды являются продуктами противоречащих друг другу мнений, выраженных в разговоре’ [Dégh, 2001, p. 2].

Стоит отметить, что, если имеет смысл в обсуждении текста определить, каков жанр данного текста, американские ученые решают этот вопрос с точки зрения рассказчика, т. е. на основе его мнения о верности текста. Если он явно не верит в содержание рассказа и транслирует его с целью увлечь или испугать слушателей, то текст считается бывальщиной, даже если излагается с точки зрения первого лица. Если текст описывает личный опыт рассказчика и представляется как факт, то тогда он считается быличкой. Остальные тексты с указанными выше сюжетами и персонажами считаются легендами. Как следствие, история наподобие «Исчезнувшей автостопщицы» может быть рассказана, чтобы напугать или развлечь слушателей, с четким указанием со стороны рассказчика, что эта история считается неправдой, благодаря использованию таких фраз, как «это лишь городская легенда» или «я не верю в приведенный» в конце истории. В ситуациях, когда история рассказывается человеком, который получал, например, предупреждение от святого, история может быть явно сформулирована как меморат. Однако в контексте, когда люди рассказывают истории о приведениях или обсуждают, могут или не могут те существовать, история будет классифицирована как легенда. Хотя, по мнению специалистов по легендам, в большинстве случаев это не имеет значения, потому что результат рассказа любого этих трех жанров одинаковый: открывается возможность обсуждать разные понятия о вере и жизни, особенно, как пишет Дег, о болезненных местах нашего опыта.

Я приведу один пример этого подхода. Новый Орлеан называется самым густонаселенным духами городом в США, и рассказы о привидениях в почти каждом доме старого города часто распространяются. Один из сюжетов, который все еще активно развивается, рассказывает о Делфин Лалаури. Так звали французскую даму, которая изображается садисткой, мучившей своих рабов. В Новом Орлеане уже в 1830-х гг. ходили слухи, что она однажды сбросила кнутом афроамериканского ребенка с крыши дома. По газетам этого времени мы знаем, что в 1834-м г. у нее в особняке был пожар. Говорят, что раб в цепях на кухне его поджег, чтобы избежать пытки Делфин. Полицейские обнаружили

комнату на третьем этаже дома, где она мучила многих своих рабов и где были обнаружены лежащими пострадавшие с ужасными ранами. Собралась группа разъяренных местных. Они вбежали в особняк, разрушили все внутри в поиске Делфин, чтобы ее наказать, но не нашли ее. Кажется, она убежала в Париж, где и умерла в 1869-м г. С тех пор люди видят привидения в ее бывшем доме. Самый популярный вариант, что призрак девочки появляется каждую ночь на крыше и прыгает с нее. Дом стал школой и еще жилым домом для итальянских иммигрантов. Все жители рассказывали о том, как они видели привидения в цепях, бродящие по лестницам. Дом долго стоял пустым и заброшенным, а теперь является музеем, там можно проводить экскурсии, искать призраки.

Напоминаю, что, с точки зрения Л. Дег, легенда позволяет вести дискуссию о спорных вопросах, поэтому этот жанр сам является процессом для конструирования веры. В этом рассказе, на мой взгляд, первый спорный вопрос – о жизни после смерти. В таких случаях считается, что человек, не умиривший своей смертью, становится беспокойным мертвецом. Но по догме христианства так не должно быть. Душа невинно умершего должна перейти на тот свет, жить у бога в раю. Поэтому в первую очередь такой рассказ рассматривает некоторые из самых важных вопросов о вере: существуют ли призраки? Если существуют, то как людям согласовать такое явление и христианскую веру? Мы видим здесь конфликт двух разных систем – народного верования и христианства. Дег предполагает, что решение этого конфликта происходит не в процессе рассказывания текста, а после того – когда люди спорят о значении, т. е. когда начинается процесс легенды. Значение текста и последующее обсуждение его позволяют конструировать систему веры, совпадающую с христианством (рассказчик не верит в рассказ, потому что этот рассказ противоречит догме), или наоборот, конфликтует с ним и народные понятия ему более близки. Возможно, возникает смесь обеих систем, и человек ищет обоснование представлению о призраке на основе библейских текстов, например.

Тем не менее вопрос догмы не самый важный в этом рассказе. Без сомнения, сущностью таких текстов является вопрос о моральности рабства [de Caro, 2015, p. 38]. Это грех американской истории, с которым мы все еще не справились. Такие рассказы Л. Дег бы считала именно попыткой оправдаться. Когда белые жители Нового Орлеана передают этот рассказ, они подчеркивают тот факт, что коренные жители возмущались мучением рабов. В то же самое время они до некоторой степени извиняют себя за грехи прошлого, т.е. передают смысл, что у них были добрые, совестливые люди в городе, даже во время рабства. Но они тем не менее вспоминают ту вину, им приходится признавать, что они сами и сам город существовали и даже процветали в результате этой жестокой системы.

Но если другой человек рассказывает легенду, представления могут быть иными. Например, у afroамериканских жителей может быть совсем другое отношение к сюжету, они рассказывают не о совестливых коренных жителях, которые хотели отомстить Делфин. Они описывают, как люди страдали, рассматривают привидения как знак неравенства в американской среде. Доказательство царящей в то время несправедливости, по их мнению, заключается в том, что Делфин от этого ужаса сама не страдала. Наоборот, она еще 30 лет жила в Париже, и ее даже похоронили в родном городе. Она спокойно лежит в могиле, пока ее жертвы, такие же, как и сами рассказчики, все еще мучаются в виде привидений, страдают из-за поведения злой белой женщины (или белых в целом).

Таким образом, легенда (согласно общему смыслу, который придает этому слову Л. Дег; при этом сам текст может быть классифицирован как быличка, бывальщина или легенда) является не текстом, а процессом. Первый этап этого процесса – текст представляет сложную ситуацию, касающуюся общественных нравов (например, в последнем случае – о вере, жизни после смерти, равенстве). Второй этап процесса – легенда приводит к конструированию веры (или слияния разных понятий веры) на ее основе. Может быть, уже существующая вера утверждается, может быть, излагаются новые идеи, с которыми человек должен справиться, чтобы разные системы веры слились, или, может быть, процесс легенды совсем изменит веру. Но независимо от результата сюжет легенды рождает в человеке сомнение: истинна ли моя вера или же мои представления о мире не совсем верны? Окончательно процесс легенды также приводит к *ostension*, т. е. влияет на поведение человека. Человек, например, может отправиться в место, о котором повествуется в легенде (т. е. будет участвовать в так называемом *legend trip*), искать подтверждение своей веры; может быть, он, услышав подобный рассказ, делает вывод, что, поскольку другие такие рассказы существуют, нельзя утверждать ложность описываемых событий. Но очевидно, что, даже если рассказы считаются неверными, люди изменяют поведение на их основе, чтобы подстраховаться (а если вдруг правда?). Поэтому, как утверждает Л. Дег, жанр самого текста – не самое важное для фольклористов; гораздо важнее для понимания легенды влияние последующего процесса на поведение и веру слушателей.

Список литературы

- Brunvand J. H. *The Encyclopedia of Urban Legends*. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2014.
- de Caro F. *The Lalaurie Haunted House, Ghosts and Slavery: New Orleans, Louisiana*. In: *Putting the Supernatural in its Place: Folklore, The Hypermodern, and the Ethereal*. Salt Lake City, UT: University of Utah Press, 2015, pp. 24–48.
- Dégh L. *Legend and Belief*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2001.
- Dégh L., Vásonyi A. Does the Word ‘Dog’ Bite? Ostensive Action: A Means of Legend Telling. *Journal of Folklore Research*, 1983, no. 20 (iss.1), pp. 5–34.
- Tucker E. *Haunted Halls: Ghostlore of American College Campuses*. Jackson, MS: University Press of Mississippi, 2007.

J. Rouhier-Willoughby

University of Kentucky, Lexington, United States of America (USA);
j.rouhier@uky.edu

Conceptions of Non-tale Prose Genres in American Folkloristics

This article provides an overview of non-tale prose, with an emphasis on legend, memorate and fabulate, in American and Western European folkloristics. It addresses the complexity of defining these genres in general and how that fact has complicated their study in the scholarly tradition. It traces the development of approaches to non-tale prose from the 1960s on and examines how North American and European specialists have approached it. The approach to legend shifted considerably when the Hungarian scholars Linda Dégh and Andrew Vásonyi immigrated to the United States and began researching legend in the American context. They argue that legend is not primarily a textual genre, but a process designed to foster debate about belief, the nature of reality, and contentious social issues. They were the first to study the important role of ostension in these narratives, e.g., how legend (and its subgenres) promotes taking action among listeners. Legend prompts people to take ostensive actions of various kinds, from engaging in the so-called “legend trip” as well as protective measures to guard against dangers described in legends, even when the legends are not believed by the tellers. That is, many today dismiss the stories as “urban legends” or “urban myths,” to indicate their status as untrue. Nevertheless, they behave differently as a result of the stories. Therefore, non-tale prose (broadly described as legend in Western Europe and North America) not only provides the context for an exploration of belief, but fosters the creation of reality and how people understand it. While the process of legendry is intimately connected to narratives, this process cannot be divorced from the text if one is to have a complete understanding of the genres, their content, and social functions.

The article provides an example from Frank de Caro’s analysis of a popular New Orleans legend to illustrate this approach. The social history and relationships revealed by this supernatural legend are more than just a debate about ghosts and their existence, although that plays a part in the popularity of the legend. Rather, the legend provides an opportunity, in the New Orleans’ context, to debate about the legacy of slavery and inequality in the city. As a result, this narrative opens the door to discussion of a sensitive topic from various perspectives, and teller chooses which aspect of the story to emphasize to communicate their opinions on this shameful period in US history.

Keywords: North American and Western European folkloristics, contemporary approaches, conceptions of non-tale prose.

References

- Brunvand J.H. *The Encyclopedia of Urban Legends*. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2014.
- de Caro F. *The Lalaurie Haunted House, Ghosts and Slavery: New Orleans, Louisiana*. In: *Putting the Supernatural in its Place: Folklore, The Hypermodern, and the Ethereal*. Salt Lake City, UT: University of Utah Press, 2015, pp. 24–48.
- Dégh L. *Legend and Belief*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2001.
- Dégh L., Vásonyi A. Does the Word ‘Dog’ Bite? Ostensive Action: A Means of Legend Telling. *Journal of Folklore Research*, 1983, no. 20 (iss.1), pp. 5–34.
- Tucker E. *Haunted Halls: Ghostlore of American College Campuses*. Jackson, MS: University Press of Mississippi, 2007.